Про старого

Кабы ездил тут стар по-за городу,
По-за городу да по-за Киеву,
Что по тем по полям по широкиим,
А по тем по дорожецкам по долгиим.
Наезжаёт бы стар на росста́нюшки,
Што на те на росстани на широкие,
На те ли дорожки да на долгии.
А лёжит на росстанюшах камешок горюций же,
А как на камешку да подписано,
А написано да подпись все подрезано:
«А во пе́рву-то дорожецьку ехать — убиту быть,
А во вторую-то дорожецьку ехать — женату быть,
Как и в третью-то дорожецьку ехать — боґату быть».
Как садилса-то старой на горюць каме́нь,
Он и думал думушку не малую,
А не малую думушку — великую:
«А нашто мне, старому, теперь женитися?
А жонитеся мне не по младости.
А нашто же мне, старому, и теперь всё богатество?
Как есть у меня, старого, золотой казны,
Кабы есть у старого цистого се́ребра,
Есть у старого красно золото,
А кабы есть у меня да циста жемчуга.
Я наездился, стар, на бело́м свете,
Кабы много от старого сирот сиротаёт же,
Кабы много от меня вдовушек да вдовеёт же:
Я побил на сём свете удалых добрых мо́лодцев,
Я поеду по той по дорожке — по убитоей».
Как садился бы стар на добра́ коня,
А ехал по дорожецьки по убитое.
Как идут-то станицьники — да люди вольные,
Люди вольные — да всё разбойницьки.
Стали на старого приступати же:
«Ты докуль, старой пёс, в поли шатаишься,
Докуль ты добрых мо́лодцев побиваешь?» —

«Ох вы, станицьники да люди вольные,
Как у меня своей казны не пригодилося,
А поехал — у князя не выпросил.
Только есь на старом ку́нья шубонька,
Стоит шубоцька петьсот рублей,
Как на шубоцьке пуговок на тысечу.
Есь у старого сабля вострая,
Стоит сабелька петьсот рублей.
Есь тут копьё долгомерное,
Стоит копьё петьсот рублей
Есь тут стрелочка каленая,
Каждая стрелочка стоит по сотенке.
А есь под старым доброй конь, —
Тому коню цены нет!»

Стали станицьники к старому приступать. Вымает стар из колчана́ калену́ стрелу, зарежает
кале́ный лук, сам ко стрелке приговаривает: «Ты лети-ко в матушку сыру́ землю́, рви-пластай што
три по́греба».

Тут и вси станицьники в ямы́ упа́дали,
Кабы все тут они устрашилися:
«Ты не бей, стар казак, не губи́!
Мы идём в слуги верные!» —

«Мне не надо слуги верные: Святая Русь не живёт без могучих плеч, без богатырских сил.
На то дал нам Господь силушку расчищать пути засорены». Дали они заклятие великоё: «Не будем
мы боле разбойничать, пойдем по светым местам, ко своим жёнам».

Поехал стар по дорожецьке в поля широкие. Лежат тут ускоки боґатырские. Пошли надвое две
дороги: одна вправо, другая влево, пробиты две дороги до пояса. Первая дорога пошла на Светые горы.
Наехал старый на боґатыря. Выдернул он палицу буёвую, ошил его, огленулся Егор-Святогор.
Сказал ему: «Ах, русские комары больно же кусают!». Взял засунул его в карман с конём со всем.
Потом конь Егора-Светогора прискакал на Светые горы, пристал, сказал:

«Ах, Егор-Светогор,
не могу боле скакать! Есть у тебя в кармане боґатырь не плохой». Тот выдернул из кармана, и
назвались они братьями: Егор больший и Илья меньший. «Поедем, Илья, ко своему отцу на Светые
горы! Живет у меня отец на Светых горах слепой».

Вот приехали в ограду, привязали коней к столбу, к золотому кольцу. Вот заходят в палаты
белокаменны, находят старика слепого. «Вот, татка, — говорит, — я привёз русского богатыря в
гости». — «Ладно, — говорит, — привёз, так потчуй». Стали за столы дубовые, сели за еств́а саха́рные,
за пи́тья медвя́ные. Вот они пили-гуляли, отец слепой говорит: «А ну, я ручки богатыря пощупаю,
— каковы?» А Егор-Светогор говорит: «Ты не давай ему руки — палицу дай ему
пощупать!» Он пихнул ему в руку. Он при́жал, — только пена пошла.

Вот назавтра у Егора-Светогора битва с паленицей последняя. Ездит, бьётця в поле тридцать
лет. Вот и говорит Егор-Светогор: «Давай, брат Илья, поедем: у меня последняя битва с паленицей.
Некоторый, — который победит, — будет на ней жениться!»

Вот распростился со стариком, и стали с ним уезжать. Спустились со Святых гор, а она уже
ездит, рыскует в поле. Егор и говорит: «Ну, Илья, ты поезжай к ней,
ты биться знаешь, не можешь
ли ее как взять». А Егор сам остался под дубом.

Вот Илья, старой казак, поехал. Она и говорит: «Вот кого Егор послал! Я дуну — так
уле́тит, я плюну — так костья́ не найдёт». Вот и подъехал, дунула на него, он сидит — не тря́хнется.
Плюнула — сидит. «Ах, какой ловкой подъехал», — говорит. Подъехала к ему, да и махнула
саблей вострой. А этот Илья был увёртливой! Увернул коню под передние ноги. Пересекла
коня, значит, у него. И шарнул Илья копьём, и спёхну́л с коня. Выдернул свой меч и подсек голову

ей. Заскочил на ейного коня, не зевая. Учул конь, что легóк седок, носил по полям широким:
едва дёржи́тця Илья на коне. Коґда этот-то конь утомилса, и подъезжает к Егору-Светогору.
Егор-Светогор говорит: «Эй, Илья! Есь у ей перстень самоцветной, с самоцветным камнем, —
сыми его, он твой, ты победил». Скочил Илья с коня и стал сымать, — она еще пыши́т. Махнула
рукой — он попал под руку и встать не может. Прибежал Егор-Светогор, отóрвал со всем с пёрстом.
Отдал Ильи, сели на кóней и поехали по полям по широким.

Едут в поли, — строют старци в поли гробницю. Егор-Светогор спрашивает: «Эй, старци,
про кого вы эту гробницю строите?» Старцы сказали: «А хоть ты лежишь!» А Светогор говорит:
«Што же мне эта гробница стоит! Лягу и всю разопру ее». Соскочил Егор с коня и лёг в гробницу.
Как лёг, так и пошевелиться не может. «Эй, брат Илья! Бей по концу пáлицей, пусть розлезется!»
Илья взял ударил по концу палицей — налетел обруч железный. «По другому бей!» По
другому ударил — другой обруч налетел. А у его силы никакой в гробнице: подрезаны все силы
его. — «Сделай, брат Илья, дыру: если тебе нать силу — пойдёт у меня сила, буду умирать.
А пойдет сила, первой пар густой — не тронь, второй пойдет — не тронь, а третий пойдет — и то
тронь с калачиком!»

Первый пар пропустил, второй пропустил. Третьего пару хватил! Сила в ём расходилась.
Рвал лес, ломал лес, чтобы уничтожить силу. Коґда некогда уничтожил, пошол похоронил Егора,
сел на коня и поехал.

Ехал полями широкими, выехал на дороги долгия. Едет по дорожецьке в Киев. Идёт навстречу
старик седатый. Илья и говорит: «Здравствуй, дедушка!» Тот и отвечат: «Здравствуй,

Илья Иванович!» — «Как же ты меня знаешь?» — «Да как мне не знать, я киевскай». — «Што
теперь хорошего в Киеве деется?» — спрашивает Илья. — «После твоего отъезду заселился
боґатырь, живёт у князя во дворе, к выти съедает семь пудов хлеба да быка. Никто и подступиться
не может!» — «Спасибо, дедушка, на вестях».

Ну вот, распростились и поехали. Тот пошол по дорожке, а этот поехал в Киев. Стал расспрашивать:
«Какой боґатырь засел в Киев?» Вот все россказали. Вот на дру́гой день надел Илья
шляпу в сорок пудов, взял клюку в сорок пудов, оделся каликой и пошел ко князю. Заходит в палаты
белокаменны во время обеда. Сидит боґатырь, княгиню на коленях дёржит.
Бык поджарен, лежит на столе на блюде, нож влеплён в него. Вот разговор завели. Он и
спрашивает: «Вот у вас есь казак Илья Муромец. Сколько он к выти хлеба кушает?». А князь отвечает:
«А он у нас мало ест». А он говорит: «Вот я к выти семь пудов хлеба съедаю и быка».
А стоит Илья под порогом: «Вот у нас была корова обжорливая, много ела и пропала! Вот и ты
пропадёшь!»

Вот это слово ему не пондравилось. Взял княгиню с коленей спехнул, взял нож — и махнул
в Илью. Нож в простенок стал: на то Илья был увёртлив. Илья схватил с головы шляпу и
катнул его шляпой своей! Вылетел этот боґатырь с простенком со всем на улицу. Вот тут его и рушил.
Князь боґатыря прославил: «Слава тебе, избавитель! Опять избавил нас, от смерти опять!»
Сделал бал великолепный князь Ильи, что избавил от смерти опять.

(Вот же всё!)

(Зап. А. М. Астаховой 25 июня 1928 г.: д. Лебская Лешуконского р-на — от Лешукова Ефрема Матвеевича, 70 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 3: Былины Мезени: Север Европейской России. — 2003.